

В конце 2013 г. в журнале был опубликован хорошо срезонировавший в читательской аудитории материал — выборка из ряда текстов, появившихся в российской печати в связи с 80-летием со дня рождения замечательного советского ученого-экономиста, вузовского педагога и организатора науки А.И. Анчишкина (1933—1987)¹. Публикацию открывали фрагменты вошедшего в книгу «Очерки о жизни и научной деятельности академика А.И. Анчишкина» (М.: ИНФРА-М, 2013) соответствующего по тематике очерка, написанного единомышленником, соратником и соавтором героя книги — академиком **Юрием Васильевичем Яременко** (1935—1996)². К 80-летию со дня рождения этого выдающегося ученого-экономиста советского и начала постсоветского периодов, крупнейшего специалиста в области макроструктурного анализа, межотраслевого моделирования и прогнозирования развития народного хозяйства, заместителя академика-секретаря Отделения экономики РАН и директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, названный институт подготовил и выпустил в конце 2015 г. озаглавленную «Об экономике» книгу, в которой собраны произведения Ю.В. Яременко разных лет (1970-х — первой половины 1990-х годов), включая фрагменты монографий и журнальные статьи. Указанное книжное издание³ мы в данном случае и представляем, предпосылая

¹ См.: К 80-летию со дня рождения А.И. Анчишкина (из публикаций в печати) // Российский экономический журнал. — 2013. — № 5.

² См.: там же. С. 102—105. В публикацию вошли также материалы докторов экономических наук, профессоров В.Г. Гребенникова, А.В. Суворова, Н.В. Суворова, В.В. Куликова, Б.П. Плышевского и Ю.В. Якутина.

³ См.: Яременко Ю. В. Об экономике / Отв. ред. В.В. Ивантер. — М.: МАКС Пресс, 2015. — 272 с. Структура книги, открываемой предисловием директора ИНП РАН, академика В.В. Ивантера, развернутой аннотацией редколлегии [ее члены — М.Ю. Ксенофонтов, Д.Б. Кувалин и Г.А. Яременко (ответственный секретарь)] и выполняющими роль авторского предисловия фрагментами рукописи Ю.В. Яременко «Экономические беседы» (ответов на вопросы С.А. Белановского), такова: *раздел первый «Теоретические основы исследования структурных сдвигов»* [главы I «Основные черты механизма воспроизводства разнокачественных ресурсов» (1 «Неоднородность хозяйственных ресурсов и ее причины», 2 «Процессы компенсации и замещения», 3 «Хозяйственные уровни», 4 «Межуровневые сдвиги» и 5 «Общая система межуровневых взаимодействий»), II «Сдвиги в качественной структуре производства и общие характеристики экономического развития» (1 «Межуровневые взаимодействия и экономический рост» и 2 «Проблемы сбалансированности развития многоуровневой экономики), III «Методы и формы использования разнокачественных ресурсов» (1 «Формы реализации приоритетов», 2 «Условия активных межуровневых взаимодействий компенсационного типа», 3 «Межуровневая сбалансированность» и 4 «Условия активных межуровневых взаимодействий замещающего типа) и IV «Структурные изменения в экономике и новые технологии»], *раздел второй «Методология и методика комплексного анализа и прогнозирования социально-экономического развития»* [главы V «Методологические основы и содержание прогноза структуры производства» (1 «Методологические основы анализа и прогнозирования межотраслевых связей и отраслевой структуры производства», 2 «Содержание и организация структурного прогноза» и VI «Экономические предпосылки и принципы структурного прогноза» (1 «Условия формирования отраслевой структуры народного хозяйства» и 2 «Содержание межотраслевых экономических процессов», 3 «Закономерности распределения ресурсов между отраслями» и 4 «Принципы прогноза структуры народного хозяйства») и *раздел третий «Оценка процессов преобразования отечественной экономики»* [подразделы 1 «Правильно ли поставлен диагноз?», 2 «Причины и последствия экономического кризиса в СССР», 3 «Проблемы экономики России», 4 «Экономический кризис в России: причины и пути выхо-

этому «телеграфную» характеристику ключевых вех биографии ее автора, а также проблематики и результатов его научных изысканий (основной источник: материал, подготовленный оргкомитетом для участников состоявшейся в конце октября 2015 г. в ИМП РАН и приуроченной к упомянутой годовщине научной конференции по проблемам прогнозирования российской экономики; в ходе конференции прошла и презентация книги «Об экономике»).

В 1953 г. Ю.В. Яременко поступил на экономический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, а в конце 1957 г. был направлен на учебу в Китайский народный университет (Пекин); благодаря годам, проведенным в «Поднебесной», он стал специалистом по экономике КНР, знатоком китайских истории, культуры и языка. Успешно закончив университет в Пекине, в 1960 г. Ю.В. Яременко вернулся в Москву. В 1961—1973 гг. являлся сотрудником Научно-исследовательского экономического института (НИЭИ) при Госплане СССР, занимался изучением факторов воспроизводственной макроэкономики и структурных сдвигов в народном хозяйстве. В этот период началось его многолетнее плодотворное сотрудничество с такими видными отечественными экономистами, как А.И. Анчишкин, О.Т. Богомолов, Н.Я. Петраков, С.С. Шаталин и другие.

В 1973—1986 гг. Ю.В. Яременко работает в Центральном экономико-математическом институте АН СССР в качестве заведующего лабораторией и заместителя директора, а в 1987 г. избирается директором созданного академического Института народнохозяйственного прогнозирования, коллективом которого руководит до конца своей жизни. С 1987 г. он — член-корреспондент АН СССР, а с 1994 г. — действительный член РАН. Эти избрания явились естественной реакцией научного сообщества на фундаментальные работы ученого, включая монографии «Закономерности движения общественного продукта и национального дохода» (в соавторстве с Б.П. Плышевским, 1963 г.), «Темпы и пропорции экономического развития» (в соавторстве с А.И. Анчишкиным, 1967 г.), «Структурные изменения в социалистической экономике» (1981), «Моделирование межотраслевых взаимодействий» (1984), «Методы народнохозяйственного прогнозирования» (1985) и другие; в 1997—1999 гг. уже после смерти Юрия Васильевича, в издательстве «Наука» увидел свет трехтомник избранных трудов академика (1 «Теория и методология исследования многоуровневой экономики», 2 «Прогнозирование народного хозяйства и варианты экономической политики и 3 «Приоритеты структурной политики и опыт реформ», причем в третьей книге приведен насчитывающий 76 позиций перечень основных публикаций автора).

Главным вкладом Ю.В. Яременко в развитие экономической науки считаются разработка и введение им в 1970-х годах в научный оборот теории многоуровневой экономики и качественной неоднородности ресурсов. Эта теория стала результатом глубокого исследования советской экономики как системы со своими существенными отношениями и логикой развития. Обоснование дискурса о многоуровневой экономике, характерной для СССР и КНР (в отличие от одноуровневых западных

да», 5 «Экономические реформы в России: анализ результатов и необходимость альтернативы» и 6 «Современная экономика России: анализ и стратегия развития» (1 «Национальная специфика», 2 «Корни либерального догматизма», 3 «Финансовый централизм», 4 «Институциональные барьеры» и 5 «Перспективная структурная политика»)].

экономик), помогло не только объяснить принципы развития экономической системы в условиях структурно-технологической несбалансированности и причины кризисных процессов в народном хозяйстве СССР (во второй половине 1980-х годов) и постсоветской России (в первой половине 1990-х), но и предложить адекватные пути их перелома, варианты *неразрушительных структурных преобразований*. Далее, на базе своих методолого-теоретических подходов Ю.В. Яременко предложил, а затем и внедрил в научную практику макромоделю, описывающую формирование производственно-технологической и отраслевой структуры экономики. Этот аналитический инструмент, названный его автором «моделью межотраслевых взаимодействий», успешно применялся для прикладных прогнозных расчетов динамики общественного производства и его структуры. В научной среде она (модель) была квалифицирована в качестве представляющей новый класс экономико-математических моделей, отображающих архитектуру системы межотраслевых связей. С тех пор многие отечественные и зарубежные ученые считают Ю.В. Яременко аналитиком, глубже других раскрывшим механизмы функционирования мобилизационных экономик, в том числе плановых экономик СССР и КНР.

Одним из важнейших проявлений созидательной исследовательской и научно-организационной активности Яременко стало его участие с начала 1970-х годов в разработке учеными академической системы и госуправленцами знаменитой Комплексной программы научно-технического прогресса СССР и его социально-экономических последствий на 20 лет (КП НТП)⁴; такое участие предоставило возможность воплотить ряд идей относительно комплекса мер, способных перевести отечественную экономику на траекторию эффективного развития, обеспечить быстрый устойчивый и высококачественный народнохозяйственный рост. Подготовка КП НТП являлась особой разновидностью предплановых разработок, выполнявшихся раз в пять лет под эгидой АН СССР и Государственного комитета по науке и технике СССР, и здесь Ю.В. Яременко возглавлял составление сводных разделов, по сути — сценарных макроэкономических прогнозов развития Советского Союза с двадцатилетним горизонтом.

В общем, Ю.В. Яременко внес выдающийся вклад в разработку новых методов социально-экономического прогнозирования, и именно на их основе в годы «перестройки» и первого постсоветского политического цикла синтезировались (в том числе в публикациях основанного ученым журнала «Проблемы прогнозирования»⁵) потенциально наиболее дееспособные исследовательские подходы, практические рекомендации авторов которых, к глубокому сожалению, упорно игнорировались сменявшими друг друга, но неизменно радикально-либералистски настроенными властными командами. В конце 1980-х — первой половине 1990-х годов ученый жестко

⁴ Об этом эпохальном проекте подробно повествуется в выпущенной в 2003 г. издательством «Альпина Паблишер» книге «Экономический рост. От прошлого к будущему» В.К. Фальцмана, а почти десятилетием ранее в нашем журнале появилась статья: Ф а л ь ц м а н В. Как разрабатывалась Комплексная программа научно-технического прогресса (из воспоминаний участника) // Российский экономический журнал. — 1994. — № 11.

⁵ Это выпускаемое с 1990 г. периодическое издание (распространяемое за рубежом под названием «Studies of Russian Economic Development»), как и другие издания ИНП РАН, размещается и в «паутине» (см.: [URL:www.ecfor.ru](http://www.ecfor.ru)).

и конструктивно критиковал выбранные властями пути системно-трансформационных реформ и выступал одним из ключевых авторов альтернативных концептуально-программных разработок. Он доказывал, что без (до) технологического выравнивания главных секторов народного хозяйства разворачивание сугубо рыночных преобразований, начиная с одномоментной всеобщей либерализации цен, является преждевременно-ошибочным, обрекающим на гибель значительную часть обрабатывающей промышленности, в первую очередь — высокотехнологичную наукоемкую индустрию. Оценивая неизбежно вытекающее отсюда резкое усиление сырьевого, низкопередельного характера нашей экономики как губительное, обрекающее страну на бесповоротное отставание и тотальную деградацию, он акцентировал недопустимость ослабления роли государства в экономике в реформационный период, причем апеллировал в данном контексте и к опыту успешно переструктурировавших национальные хозяйства стран — Японии, Южной Кореи и др.

Все отмеченные сюжеты четко, продуманно отражены в совокупности текстов Ю.В. Яременко, отобранных для книги «Об экономике» продолжателями традиций созданной им (и его соратниками-единомышленниками) научной школы. Содержание и структуру издания его редколлегия характеризует следующим образом: «В первый раздел книги включены работы, написанные Ю.В. Яременко в 1970-е годы и в первой половине 1980-х годов и посвященные разработке теории экономического развития, методологии и методике социально-экономического прогнозирования. Во второй раздел вошли комплексные, многоаспектные разработки, выполненные в Институте народнохозяйственного прогнозирования под руководством Ю.В. Яременко во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов: долгосрочный прогноз социально-экономического развития страны, программы реформирования экономики СССР и России, а также концепция промышленной политики⁶. Третий раздел составили статьи конца 1980-х — первой половины 1990-х годов, посвященные актуальным проблемам стратегии социально-экономических преобразований, анализу факторов, обусловивших обострение и усугубление воспроизводственного кризиса отечественной экономики при реализации принятого курса реформ. Таким образом, во втором и третьем разделах книги представлены в основном прикладные работы, в которых концептуальные положения экономической теории, созданной Ю.В. Яременко, используются как методологическая основа практически ориентированных прогнозно-аналитических исследований»⁷.

Третий, заключительный раздел книги, составленный, стоит повторить, из «перестроечно-постперестроечных» по хронологии материалов статейного жанра, логично открывается воспроизведением «нашей» — опубликованной в № 1 «Экономических наук» за 1991 г. — статьи Ю.В. Яременко⁸, написанной им в разгар

⁶ Кстати заметить, эта концептуальная разработка в важном ее (институциональном) аспекте была оперативно представлена на страницах нашего издания. См.: Организационно-хозяйственный аспект становящейся промышленной политики России (фрагмент доклада Института народнохозяйственного прогнозирования РАН «Основные положения промышленной политики Российской Федерации») // Российский экономический журнал. — 1994. — № 4.

⁷ Я р е м е н к о Ю. В. Об экономике. — С. 8.

⁸ См.: Я р е м е н к о Ю. Правильно ли поставлен диагноз? // Экономические науки. — 1991. — № 1. Исходный, краткий, вариант статьи под заголовком «Экономика ханжества» был обнародован 1 сентября 1990 г. в газете «Правда».

«поздней перестройки», впоследствии названной одним из ее деятелей-«прорабов» (очевидно, не без подачи верных продолжателей «прорабского дела» из первой постсоветской правительственной команды) «Великой антисоциалистической революцией 1989—1991 годов»⁹. Содержательное резюме и публицистический пафос статьи в некоем вольном переложении таковы¹⁰: *нельзя «в одночасье» (в историческом смысле) «сажать» рыночную систему хозяйствования на нерыночную по своему характеру отраслевую и технико-технологическую структуру народного хозяйства, сформированную под воздействием совершенно иной, плановой, системы (к тому же под влиянием многих реализованных ошибочных с позиций ее собственной природы стратегических макроуправленческих решений послевоенных десятилетий) — результаты неизбежно станут беспрецедентно в мирное время разрушительными для отечественных производительных сил* и самым негативным образом скажутся на перспективах утверждения (реставрации) в стране рыночной системы, на ее восприятии обществом, как и на отношении населения к осуществляющим «революционные», «шоковую терапию» властям. Это научное предупреждение оказалось пророческим, и неудивительно, что опубликованная нашим журналом в начале 1994 г. (по итогам коего российская экономика, как известно, уполовинилась (не говоря уж о чудовищной качественной стороне дела) другая статья ученого-патриота¹¹ завершалась следующими словами: «В положении, в которое мы попали, ничего, разумеется, нельзя сделать без риска и без потерь. В этой связи придется тщательно рассмотреть различные варианты возможных решений относительно доходов и цен. Одно, на мой взгляд, следует исключить — продолжение сегодняшней экономической политики»¹².

Отчетливо *конструктивно-критический* характер увидевшей свет 25 лет назад статьи академика Яременко «Правильно ли поставлен диагноз?» сегодня дает ценнейший материал для позитивных ответов на перманентно мучительные вопросы «могла ли стать другой Россия, и есть ли шансы на успех в поисках эффективной концепции «реформирования нареформированного»? (Не говоря уж о вопросе касательно наличия или отсутствия «пророков в своем отечестве»). Поэтому воспроизводя ниже эту работу, мы не только представляем новую книгу избранных произведений ее замечательного автора, но и отмечаем грядущий в этом году четвертьвековой «юбилей» «великих» (действительно великих — в геростратовом смысле) постсоветских реформационных преобразований, в определенном отношении повторяя пятилетней давности акцию, когда редакция ввела в номерах 4—6 за 2011 г. временную рубрику «Из архива «Экономических наук» — «Российского экономического журнала» (в связи с 20-летием гибели советского социализ-

⁹ См.: П о п о в Г. Пиррова победа двуглавого орла // Совершенно секретно. — 2010. — № 6. — С. 10. Оценка упомянутого и других саморекламных «перлов» данного «прораба» («великого антисоциалистического революционера») предложена в публикации: М е л е н т ь е в А. «Великая антисоциалистическая революция рубежа 1980—1990-х годов»: прогноз разрушительных последствий имелся, принципиальная альтернатива предлагалась // Российский экономический журнал. — 2010. — № 2.

¹⁰ Субъективное оценочное суждение автора этих строк, кандидата экономических наук А.Ю. Мелентьева.

¹¹ См.: Я р е м е н к о Ю. Приоритет — структурно-технологическому обновлению народного хозяйства // Российский экономический журнал. — 1994. — № 1.

¹² Там же. — С. 7.

ма и распада СССР)», заполнив ее актуальными, на наш взгляд, перепечатками. Среди них несправедливо не было опубликованных в журнале текстов Ю.В. Яременко¹³, и мы теперь в какой-то мере исправляем свою ошибку¹⁴.

Ю. Яременко

ПРАВИЛЬНО ЛИ ПОСТАВЛЕН ДИАГНОЗ?

Разработка экономической реформы приблизилась сейчас к некоторому критическому рубежу. Многочисленные обстоятельства нашей социальной и экономической жизни подводят к необходимости решительных действий. Но-

вые решения, безусловно, должны опираться на уроки, извлеченные из уже имеющегося опыта. И, наверное, будет полезным еще раз задаться вопросом: в чем именно состоят эти уроки?

* * *

Как представляется, основная причина малых успехов наших хозяйственных преобразований состоит в следующем: в своих замыслах мы исходили и по-прежнему исходим из того, что хорошая система управления — это главное и почти единственное, чего не хватает, чтобы экономика приобрела такие недостающие ей свойства, как динамизм, структурная мобильность, способность к технологическому росту. Этому диагнозу соответствовал и предлагаемый метод лечения. Замена командно-административной систе-

мы механизмом рыночного самодействия — тот единственный рецепт, который прописан нашему большому народному хозяйству.

Между тем анализ истории нашего хозяйственного развития убедительно показывает, что сложившаяся система управления — это не просто проекция политического авторитаризма на способы руководства экономикой. Она является неотъемлемым элементом существующего хозяйственного организма, включающего в себя не только институциональ-

¹³ Представляется весьма уместным подчеркнуть, что в третий раздел книги «Об экономике» попала также статья Ю.В. Яременко, М.Ю. Ксенофонтова и М.Н. Узякова «Экономические реформы в России: анализ результатов и необходимость альтернативы», к обнародованию которой наше издание имеет сугубое, если угодно, двоякое, отношение. Во-первых, данный текст фигурировал в увидевшей свет 20 лет назад книге «Реформы глазами американских и российских ученых» под общей редакцией академика О.Т. Богомолова (М., 1996), издателем которой выступил (совместно с фондом «За экономическую грамотность») «Российский экономический журнал» [подробно об этом уникальном, с нашей точки зрения, издании (с авторским участием пяти нобелевских лауреатов) см.: К десятилетию книги «Реформы глазами американских и российских ученых» (размышления О. Богомолова и В. Куликова) // Российский экономический журнал. — 2006. — № 11-12]. Во-вторых, мы полностью воспроизвели указанную статью Ю.В. Яременко и его двух соавторов под заголовком «Все тот же вопрос: соответствует ли курс преобразований народнохозяйственным реальностям?» в № 9 журнала за 1996 г. — в порядке представления и популяризации книги «Реформы глазами...».

¹⁴ Сформулированные в редакционной преамбуле к соответствующей ретроподборке (см.: Российский экономический журнал. — 2011. — № 4. — С. 3—5) «неполиткорректные» соображения об органической (геростратова характера) преемственности постсоветских радикально-либералистских реформ, причем не только в первом, но и во втором—четвертом (нынешнем «новом старом») политических циклах, с «поздней (1989—1991 гг.) перестройкой», было бы правомерно, думается, воспроизвести и в связи с комментируемой перепечаткой статьи Ю.В. Яременко.

ные, но и производственные и социальные ее структуры. Все они взаимозависимы, функционально связаны между собой, образуют единое труднорасчлененное целое.

Речь идет о том, что систему управления экономикой нельзя рассматривать изолированно от всех других аспектов реальной экономической деятельности. Можно утверждать, что эта система жестко приспособлена к возникшим в стране формам развития производства.

Что наиболее специфично в технологической и производственной структуре нашей экономики? Только четко ответив на этот вопрос, можно приблизиться к пониманию того, в чем именно состоит нынешняя адекватность производственных и управленческих структур народного хозяйства.

Главное, что отличает технологическую и производственную структуры нашей экономики, — их крайняя качественная неоднородность. В народном хозяйстве имеются сверхсовременные технологии, средние технологии и, наконец, целые отрасли, построенные на базе либо отсталых, либо не завершивших свое формирование, но в любом случае ресурсорасточительных, технологий.

Почему сложилось так, что наши производственные структуры состоят из качественно разнопорядковых величин? Главная причина здесь — беспрецедентная внеэкономическая нагрузка. Многолетняя концентрация высоких технологий на том фланге экономики, где сосредоточено военное производство (а также в смежных с ним подразделениях), привела либо к частичному, либо к полному технологическому обеднению целых групп отраслей — прежде всего потребительского сектора, гражданского машиностроения, инфраструктуры и т.д.

Технологическая неоднородность производства, порожденная сверхвысоким

внеэкономическим давлением на экономику, определила другое ее свойство — принципиальную неравновесность, т.е. долгосрочную, запрограммированную самой структурой производства — несбалансированность. В данном случае имеется в виду не временный и случайный дефицит, а то, что в нашей экономике постоянно действуют силы, воссоздающие все в больших и больших масштабах нехватку ресурсов.

Насколько велики объемы отвлечения ресурсов из экономики, настолько же велики размеры заполнения отраслей, лишенных эффективной технологической поддержки, неэффективными ресурсоемкими технологиями. Функционирование этих отраслей — все расширяющийся источник спроса на сырье и энергию. Высокая капиталоемкость производства последних создает внутренний круг потребностей в этих первичных ресурсах. Это связано с теми особыми энергосырьевыми нуждами, которые порождены увеличением выпуска металлоемкого оборудования для самих добывающих отраслей. Общая хроническая нехватка энергии и сырья — неотъемлемое свойство воспроизводственного режима, порожденного всей совокупностью социальных, экономических и геополитических условий развития нашего государства.

Нужна ли нам такая изуродованная, деформированная структура? Разумеется, нет. Это — постоянный источник нестабильности. С некоторых пор деформированную структуру уже нельзя рассматривать как неизбежную плату за те преимущества, которые мы получили в быстром наращивании военных технологий.

Потери, связанные с искаженной структурой производства, настолько велики, что они сужают возможное пространство развития самой военной экономики, особенно если иметь в виду не только ее количественные, но и каче-

ственные характеристики. Конечно, выйти из спирали нарастающих расходов, ведущей в конечном счете к саморазрушению, нелегко. Только сильные меры, выражающиеся в резком ограничении военной нагрузки, могут создать достаточную степень свободы для преобразования структуры народного хозяйства. В годы же, предшествовавшие перестройке, развитие событий шло в противоположном направлении. Согласно принятой доктрине, мы дали втянуть себя в гонку вооружений. Внешнее давление и следовавшие за ним деформации достигли крайних пределов. Сейчас делаются только первые шаги по демилитаризации народного хозяйства. Но они пока совершенно несоразмерны с теми действиями, что привели нашу экономику в ее сегодняшнее состояние.

Все сказанное выше делает правомерной следующую постановку вопроса. Способна ли наша глубоко структурно деформированная экономика эффективно функционировать согласно правилам рынка? Представляется, что на поставленный так вопрос с большой степенью уверенности можно дать отрицательный ответ. Из довольно длинного списка оснований для этого назову несколько наиболее очевидных.

В экономике с теми масштабами технологической дифференциации, которые существуют в нашей стране, обмен продукцией между отраслями может быть построен только принудительным путем, на основе прямого натурального распределения ресурсов при искусственных ценах. При переходе на систему цен, адекватно отражающих техническим уровнем выпускаемой продукции, вся совокупность экономических связей просто развалится как карточный домик. Ведь до сих пор ее сутью был обмен неравными величинами. Отечественная обрабатывающая промышленность выпуска-

ет продукцию со столь низкими потребительскими характеристиками, что их реальный учет при назначении цен в принципе не позволил бы предприятиям заработать средства для приобретения сырья и оплаты энергии. Переход к рыночному эквивалентному обмену противоречит, таким образом, важнейшим материальным константам нашей экономики. Его принципиальная невозможность сейчас предопределена достаточно жестко фиксированной технологической структурой народного хозяйства.

Иными словами, функционирование нашей нынешней экономики с ее технологическими диспропорциями может осуществляться только путем нарушения экономических законов, свойственных рыночным системам. Жизнь в соответствии с законами рыночной экономики означала бы для нас немедленное попадание под давление условий мирового рынка, резкое увеличение экспорта сырья и энергоресурсов, лавинообразный сброс выпуска продукции обрабатывающих отраслей, т.е. кризис, справиться с которым нельзя без демпфирующей структурной подготовки.

Неравновесная экономика обречена на образование очередей и прямое распределение ресурсов. Не преодолев технологического неравновесия — этого, как отмечалось, главного источника дефицита, — крайне трудно только лишь с помощью декретов перейти непосредственно к рынку. Не поможет даже то, что будут созданы подобию рыночных институциональных структур, внешне весьма похожих на те, которые существуют на Западе.

Когда народное хозяйство постоянно живет среди одних дефицитов и не менее постоянно ожидает появления других, то деятельность каждой отрасли, каждого ведомства неизбежным образом оценивается с точки зрения предполагаемого их вклада в уменьшение нехватки

ресурсов. Какое воздействие на погашение дефицита может оказать то или другое ведомство в ближайшей и более отдаленной перспективе? Ответ на данный вопрос непосредственно влияет на место ведомств в хозяйственной иерархии, а это — прежде всего относительные привилегии в обеспечении материальными и финансовыми ресурсами. Предполагаемый эффект в нейтрализации ожидаемых дефицитов — следующий по важности критерий иерархической значимости ведомства после степени близости к военному производству. Авторитет, которым обладают энергетические ведомства, имеет в своей основе не столько стратегические замыслы развития экономики, сколько глобальный дефицит энергоресурсов. Постоянно воспроизводимая нездоровая зависимость инвестиционных возможностей страны от наращивания объема производства проката черных металлов — вот та почва, на которой утверждалось Министерство черной металлургии. В конце концов мы подойдем к Минводхозу, появление которого было бы немислимо при иной ситуации с производством сельскохозяйственных продуктов.

Госплан и есть тот орган, который постоянно оценивает вклад тех или иных отраслей в установление равновесия. Он же приводит в соответствие с подобными оценками практику распределения ресурсов. Эффективность усилий Госплана в данном направлении очень сильно обесценивается другим аспектом его деятельности. Ведь к ресурсным закромам, как уже отмечалось, выстраивается еще и другая, гораздо более привилегированная очередь из производителей, непосредственно работающих на оборонный комплекс. Взаимодействие этих очередей образует сложную систему связей и составляет важнейшее содержание деятельности Госплана и Госснаба.

Очередь, устанавливаемая Госпланом, может иметь долгосрочную ориентацию, предвосхищать будущую нагрузку. Это связано с получением права на инвестиции и с их обеспечением. Другая очередь может быть порождена текущими производственными обстоятельствами. Если две отмеченные очереди нагромождаются одна на другую, если текущие нужды оказываются преобладающими и все сильнее «подрезают» возможности влияния на ближайшее будущее, то это означает: экономика вследствие перегрузки потеряла стратегическую управляемость и все больше живет своими текущими заботами. Приоритеты сегодняшнего дня заслоняют приоритеты обозримой перспективы. Центральные экономические органы, Госплан теряют свое значение, а на авансцену выдвигаются министерства. Особую роль приобретает распоряжение конвертируемыми ресурсами, которые позволяют в короткие сроки закрыть любую брешь через внешний рынок. Именно такой жизнью мы жили в последние годы.

Это не означает, что уменьшилось число решений об инвестициях, намерений инвестировать и попыток материально поддержать такие намерения. Все это сохранилось, но стало все больше приобретать характер номинальной деятельности. Образовалась система номинальных приоритетов, существовавших наряду с реальными и выражавшихся в распределении финансовых средств, не поддержанных материальными ресурсами. Первым постоянно обманываемым клиентом было сельское хозяйство. Щедрые денежные выдачи не подкреплялись даже минимальной перегруппировкой ресурсной очереди в пользу отраслей, обслуживающих аграрное производство.

Политика ускорения оказалась апофеозом того экономического ханжества, которое зародилось и проявило себя зна-

чительно раньше. Это сильные решения на верхнем уровне, которые на самом деле оказываются псевдорешениями, так как они не обеспечены изменениями в использовании ресурсного, технологического и научного потенциала.

Между тем объективная обстановка в это время требовала: а) ослабления внешнеэкономической нагрузки; б) энергичных централизованных мер реальной мобилизации ресурсов для развития потребительского сектора; в) разрушения административных перегородок между оборонным и гражданским машиностроением и создания тем самым возможностей повышения технического уровня массовых инвестиций.

Вместо этого мы пошли на неподготовленную инвестиционную экспансию. Мощные центробежные силы, воплощенные в деятельности сверхведомств — Агропрома, Бюро по машиностроению, Бюро по топливно-энергетическому комплексу и т.д., — отнюдь не разрушили давно сложившихся приоритетов и не отменили принятой практики распределения ресурсов. В то же время они внесли довольно большую сумятицу в тот процесс упорядочения ведомственных притязаний, которым традиционно были заняты центральные плановые органы. Необеспеченность инвестиций, рост незавершенки, резкое удорожание продукции — все эти явления в значительной степени усилились.

Иначе и быть не могло. В нашей экономике отвлечение денег из сфер, где есть инвестиционные заделы, в сферы, где их нет, ведет к обесценению этих денег. Размеры инфляции на этом этапе оказались прямо пропорциональны масштабам неподготовленных структурных поворотов. Реализуя стратегию ускорения, мы хотели больше, чем могли. А могли слишком мало, прежде всего потому, что перешли к определению но-

вых целей, совершенно не поступившись старыми.

Было ли последовавшее вслед за этим предоставление самостоятельности предприятиям адекватным способом решения накопившихся проблем? Очевидно, нет. Разумеется, хозяйственная самостоятельность предприятий — это один из главных итогов ожидаемых преобразований нашей экономики. Однако положение предприятия до сих пор является не чем иным, как проекцией на нижний уровень хозяйствования тех норм и правил, которые установились на верхнем уровне управления экономикой. Те предприятия, которые находились в первых рядах получателей дефицитных ресурсов, оказались в благоприятном положении, следующие за ними — в несколько худшем, последние — в достаточно плохом. Например, в легкой промышленности — это низкая заработная плата, удручающие условия труда, отсталое оборудование, малоквалифицированные кадры, низкокачественное сырье и т.д. Сама по себе самостоятельность эти относительные различия и вытекающие из них возможности изменить не могла.

По сути дела предполагалось, что на уровне предприятий могут быть решены те проблемы которые не были решены путем неудачной активизации деятельности ведомств. Ведомства делегировали часть своих прав предприятиям, но возможности реализации этих прав остались те же самые. Либерализация в формировании денежных фондов предприятий фактически означала: не отменяя старые способы распределения ресурсов, мы вводим еще и новые, основанные на использовании накапливаемых денежных средств. Предприятия вступают здесь в конкуренцию, осуществляемую на крайне узком ресурсном пространстве. Эта конкуренция, очевидно, не могла существенно повлиять на окончательные итоги, пре-

допределенные доставшимися в наследство технологией, кооперационными связями, инфраструктурой, т.е. всем тем, что является реальным материальным выражением места в очереди за ресурсами, которое занимает та или иная группа предприятий.

Точно так же предприятия не могли решить своих проблем путем повышения заработной платы, так как общему росту ее фонда не соответствовал структурный поворот в сторону производства потребительских товаров. В результате рост зарплаты в существенной мере носил номинальный характер.

Особо следует остановиться на иллюзиях, согласно которым уже сейчас в нашей экономике чуть ли не решающую роль способны играть чисто финансовые рычаги. Утверждают, что уже сегодня экономика может управляться с помощью бюджетной и кредитной политики. Конечно, существует большой соблазн использовать финансовые показатели для подведения итогов и формулирования целей экономического развития, тем более, что это обычная практика, принятая во всем мире. И теперь, когда требуется синтез результатов деятельности традиционно разобщенных частей экономики, эта практика выглядит особенно привлекательной. Законодательной и исполнительной власти начинает казаться, что, регулируя бюджет и все больше опираясь на Министерство финансов, она держит в руках руль управления экономикой. Между тем это далеко не так.

Мы очень отличаемся от остального мира. Для нашей экономики характерна реальная несравнимость существующих денежных оценок материальных ресурсов при их номинальной сопоставимости. На полярно противоположных технологических полюсах нашего народного хозяйства создаются блага, качественные различия

которых не находят адекватного отражения в уровне цен. Если взять за точку отсчета структуру мировых цен, то цены на военную продукцию у нас занижены, а на технику потребительского назначения резко завышены. Это уже два разных рубля: весомый, «тяжелый» — в оценке военной продукции, и неполновесный, «легкий» — для ширпотреба.

В инвестиционной сфере крайне «легким» рублем оплачивается низкокачественная продукция сельскохозяйственного машиностроения (машины по своим техническим характеристикам не стоят тех денег, что за них платят) и с помощью более «тяжелого» рубля выкупается продукция энергетического машиностроения, станкостроения и некоторых других отраслей.

Владелец денег до того, как они истрачены, не знает их истинной покупательной способности. Драмы натурального снабжения можно трактовать как конкуренцию за более «тяжелый» рубль. Истинные пропорции в доходах государства и населения у нас весьма далеки от номинальных оценок. Внешне дело обстоит так, что предприятия и население делятся своими доходами с государством. Однако реально величина доходов последнего определяется тем, каким производственным и техническим потенциалом обладают ведомства, у которых государство делает закупки, в какую продукцию воплощаются собранные доходы.

Посмотрим с этих позиций на военные расходы. Выделяемая для военных часть общеэкономического «пирога» зависит не столько от финансовых затрат государства на оборону, сколько от реальных проектных, технологических и производственных возможностей оборонной промышленности. Меры по укреплению ее потенциала и сдвиги в составе продукции могут «утяжелить» зат-

рачиваемые государством рубли и уравновесить номинальное сокращение расходов на оборону. И наоборот, прекращая финансирование военных производств (вместо их финансовой поддержки и последовательной переориентации) и делая это ради сокращения расходов в рублях, т.е. в примитивных фискальных целях, государство чаще всего проигрывает. Не оплодотворяя деньгами уже созданный потенциал, оно несет значительные потери.

* * *

Какие же рекомендации следуют из сделанных оценок?

Следует подчеркнуть, что эти оценки отнюдь не подвергают сомнению принципиальный курс на строительство рыночной экономики. Вместе с тем многие акценты в достаточно распространенной интерпретации этого курса нуждаются, на мой взгляд, в существенном смещении. Главный вывод из сказанного выше состоит в том, что перестройка экономики — это одновременный и жестко взаимосвязанный процесс изменений в структуре производства и в системе управления. Создание новых хозяйственных институтов не может идти дальше, чем это позволяет сегодня состояние нашего производственного и технологического потенциала. Главные структурные предпосылки формирования эффективной рыночной экономики состоят, по моему мнению, в следующем.

Первое — это, как уже отмечалось, снижение внеэкономической нагрузки, касающейся военного производства, помощи зарубежным странам, избыточных административных расходов. Без этого консервация и углубление структурного и технологического неравновесия неизбежны.

Структурная политика, таким образом, пока не может осуществляться с помощью чисто финансовых мер. Сейчас еще нельзя обойтись без прямого вмешательства как в регулирование ресурсных потоков, так и в размещение всех видов запасов. Это касается и самого механизма снижения военной нагрузки, и конверсии военного производства. Действия, которые затрагивают лишь сферу финансов, — это пока только полудействия, начало процесса, но отнюдь не главное его содержание.

Представляется, что сейчас — это центральная проблема экономических преобразований вообще и создания рынка в частности.

Уровень милитаризации нашей экономики имеет феноменальные масштабы. При корректировке стоимостных объемов продукции машиностроения в соответствии с нормализованной структурой цен (приближающихся к мировым) доля военной продукции в общем объеме машиностроительного выпуска превышает сейчас 60%, а доля товаров длительного пользования — не выше 5%. Пока мы не перегруппируем с помощью централизованных усилий созданный потенциал, все технологические и структурные перепады, существующие в нашем хозяйстве, сохранятся. А это означает, что отсутствуют минимальные структурные предпосылки для отказа от прежней системы хозяйствования и перехода к новым экономическим отношениям.

Это в свою очередь означает, что осуществляемое (пусть с самыми благими намерениями), но форсированное и структурно не подготовленное введение рыночных институтов может иметь достаточно большой негативный эффект. Разрушение очереди на получение ресур-

сов, выстраиваемой Госпланом в целях поддержания экономического равновесия, в условиях, когда сохраняются все источники наших традиционных дисбалансов, безусловно, чревато тяжелыми экономическими и социальными последствиями.

Второе — это сильные меры, направленные против инвестиционного ресурсорасточительства. Инвестиции, которые отнюдь не обновляют, а лишь с трудом поддерживают имеющийся производственный аппарат и требуют для постоянного восстановления собственных объемов огромной массы первичных ресурсов (сырья, энергии, строительных мощностей), — это гиря, которая тянет на дно. Освободиться от нее можно, только существенно повысив технический уровень осуществляемых капитальных вложений. Реальность достаточно быстрого улучшения качества инвестиций определяется в сложившихся условиях действием главным образом двух факторов. Во-первых, тем, насколько быстро мы сможем использовать для этого производственные возможности «оборонки», и, во-вторых, возможными масштабами западных инвестиций.

Третье — это формирование современной индустрии производства потребительских товаров. Путь, который мы здесь прошли, совершенно не соразмерен нашей экономической мощи, квалификации работников, научным и техническим возможностям. Особенно это касается массового производства товаров длительного пользования, образующих основу современных потребительских стандартов. Без обеспечения таких стандартов уже нельзя говорить о каких-либо устойчивых трудовых мотивациях. В весьма жестких временных рамках, в каких мы вынуждены проводить структурные преобразования, источником ресурсов и в этой области по-прежнему

остаются только «оборонка» и внешние инвестиции.

Четвертое — это сумма тех мер по изменению имеющейся системы управления экономикой, которые должны способствовать реализации намеченных структурных сдвигов. Сюда относятся прежде всего меры, направленные на преодоление инерционных центробежных тенденций, связанных с деятельностью сверхведомств. Речь идет прежде всего о реорганизации Госплана. Безусловно, Госплан еще долгое время должен сохранять за собой функции поддержания глобального равновесия. Технологические дисбалансы, являющиеся источником крупномасштабных ресурсных дефицитов, в скором времени непреодолимы. Отсюда следует, что пока нет никакого другого способа поддержания равновесия, кроме целенаправленной, централизованной деятельности Госплана. Отсюда вытекает и необходимость сохранения главных инструментов этой деятельности — значительной величины централизованных капитальных вложений, существенного объема госзаказа на сырьевые ресурсы.

Вместе с тем в Госплане должны в явном виде оформиться функции, связанные с новой целевой ориентацией. Если у оборонной продукции есть мощные заказчики и высококвалифицированные исполнители, то выпуск современных технически сложных потребительских товаров не обеспечен ни тем, ни другим, а в сегодняшних условиях это, безусловно, необходимо. Заказчиком в данной сфере, видимо, должны стать специальные подразделения Госплана, реализующие целевые программы. В качестве же крупных производителей ни в коем случае не должны выступать министерства (старые или новые). В этом качестве мне видятся функционирующие на конкурентной основе предприятия с

современной научно-конструкторской базой, квалифицированными кадрами, достаточно высокой оплатой труда. Такими, думается, могут быть как уже имеющие гражданские машиностроительные предприятия, специализирующиеся на потребительской продукции, так и перепрофилированные предприятия оборонной промышленности. Значительная часть этих предприятий может существовать в виде акционерных обществ (включая те, которые базируются на иностранном капитале).

Наконец, *пятое* — это создание новых рыночных институтов, адекватных нашим сегодняшним ресурсным и технологическим возможностям. Наиболее близкая перспектива перехода на полную хозяйственную самостоятельность имеется у предприятий тех отраслей, деятельность которых достаточно локальна и не оказывает непосредственного влияния на показатели энергетического и сырьевого баланса страны. В первую очередь это сфера услуг, коммунальное хозяйство, часть строительного сектора, ряд отраслей сельскохозяйственного производства.

Широкие фронтальные изменения в характере хозяйственных институтов (включая формирование новой системы экономической ответственности путем создания акционерных обществ и новых вертикальных структур регулирования текущей и инвестиционной деятельности в виде различного рода коммерческих банков) не могут развер-

тываться в рамках бюрократической кампании, насаждающей единовременные универсальные подходы во всех отраслях и регионах. Необходимы стимулирование и поддержка всего многообразия новых форм хозяйствования, подкрепляемых реальной структурной перестройкой экономики.

Избыточный универсализм и догматизм в хозяйственных преобразованиях, игнорирование особенностей технологической и производственной структуры экономики чреватые значительным усилением диспропорций, повышением до самого опасного уровня социальной напряженности. Созданные же при таких обстоятельствах псевдорыночные институты окажутся лишь очередной декорацией, заслоняющей сохраняющееся отторжение главного ресурсного и технологического потенциала страны от действительно насущных потребностей народного хозяйства. Хотят или не хотят того авторы «радикальных» программ, но, по существу, в сегодняшних условиях эти программы носят охранительный характер. Рискованность же подобных замыслов делает складывающуюся ситуацию достаточно иррациональной. Целостность программы экономических преобразований (объединяющей снижение внеэкономической нагрузки, конверсию военной экономики, структурные сдвиги в производстве и становление новых форм хозяйствования) — вот главный залог ее подлинной реалистичности и высокой эффективности.